

ское к 70-м годам XIV века превратилось уже в непреложный факт русской политической жизни, и об этом полным голосом заявляет современный памятник русской общественной мысли — официальная московская летописная запись, перешедшая затем в Симеоновскую летопись. В усобице 1371 года, как бы заявляет этот памятник, виноваты не татары, ибо они давно уже утратили право по своему усмотрению раздавать ярлыки на великое княжение; великое княжение Владимирское стало наследственным достоянием московского княжеского дома, его отчиной, которой никто не может у него отнять. С этим представлением согласуется и гордый ответ Дмитрия Ивановича послу Сарыхоже: «к ярлыку не еду, а в княжение великое не пущу».

Поездка Дмитрия Ивановича в Орду была сопряжена с большой опасностью для жизни: его могли там убить, как до этого убивали не один раз уже непокорных и неподатливых русских князей. Дмитрия Ивановича провожали в путь митрополит Алексей и множество народа, и все они проявляли сильное беспокойство за его судьбу. Но Дмитрий Иванович, по смыслу приведенной летописной записи, не мог не поехать в Орду, ибо речь шла не о каком-либо «примысле», не о дополнительном или побочном приобретении, каким являлось для Михаила Александровича великое княжение, а о коренном достоянии, об отчине. Пренебрегая всеми опасностями, Дмитрий Иванович предпочел отправиться в Орду, чем «сступитьися княжения великого».

Нельзя, конечно, категорически утверждать, что слова о великом княжении как об отчине Дмитрия Ивановича уже читались в первоначальной летописной записи и не были приписаны позднейшими редакторами. Мы имеем, однако, официальный документ, который относится к тому же 1371 году и в котором великое княжение Владимирское также называется отчиной Дмитрия Ивановича. Это московско-литовская докончальная грамота о продлении перемирия на три месяца, заключенная с литовскими послами в Москве летом 1371 года, когда Дмитрий Иванович находился в Орде. Грамота представляла в пределах великого княжения «путь чист» литовским и смоленским послам и купцам. Что касается Твери, то «путь чист» предоставлялся только ее послам: «а оприснь послов, тферичем нет дел в нашей отчине в великом княженьи».¹

Об успешном исходе поездки Дмитрия Ивановича в Орду и благополучном его возвращении Симеоновская летопись сообщает в приподнятом тоне, видя во всем этом «божью милость» и торжество правого дела: «На ту же осень князь великий Дмитрей Иванович выиде из Орды милостию божиею все по добру и по здорову, такоже вси бояре его и слуги его, творяще волю его, а княжения великого под собою покрепил, а супостаты своя и супротивники своя победив посрами».² Но «супостаты и супротивники» Дмитрия Ивановича еще не были побеждены, ибо не в Орде уже решались политические судьбы северо-восточной Руси. Еще весной 1371 года Михаил Александрович, расставшись с Сарыхожей, предпринял ряд быстрых военных ударов, повоевал Бежецкий верх, взял Кострому, Мологу, Углич и всюду посадил своих наместников. Захват Бежецкого верха вызвал раздражение Новгорода, заключившего союз с Дмитрием Ивановичем, причем Новгород обязался помогать Москве против Твери и Литвы, а Москва должна была помогать Новгороду против Твери, Литвы и немцев.

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., I. М.—Л., 1948, стр. 48. Разрядка моя, — И. Б.

² ПСРА, XVIII, стр. 111.